

Предисловие

Термин «украшения», выведенный в заглавие настоящего сборника и употребляемый для обозначения комплекса предметов и элементов, дополняющих костюм человека, не вполне точно отражает содержание, которое он несет в себе в традиционных культурах. Возникнув в русском языке от слов *красный / красивый*, он выражает прежде всего эстетическую функцию того или иного атрибута убранства человека, предмета или пространства, которая по мере цивилизационного развития приобретала в культурах все более и более доминирующее значение. В то же время эстетическая функция вещей и общие представления о красоте всегда формировались на основе глубинных мировоззренческих идей, пронизывающих все элементы культуры и наполняющих каждый из них рожденным этими идеями смыслом. По мере угасания мифопоэтического восприятия мира, выстраивающего необычайно сложную систему взаимоотношений человека и Вселенной, постепенно отмирала и множественность функции украшений (как, впрочем, и других предметов), воплощающих в себе широкий спектр связей между человеком, обществом и окружающим миром, при этом сохранялись функции эстетическая и экономическая. Между тем в древних и традиционных культурах эстетическая функция украшений стояла в длинном ряду множества других, играющих столь же (если не более важную) роль в жизни человека и общества. Но за неимением другого термина мы вынуждены использовать при анализе данного явления термин «украшения», вкладывая в него весь спектр символических значений, который насыщал этот комплекс предметов в культурах, развивавшихся на основе традиции.

Что же представляли собой украшения в традиционных культурах, в частности в культурах коренного населения Сибири? Будучи непосредственно связанными с костюмом и телом человека, они концентрировали в себе то сакральное содержание, которое было заложено в этом микрокосме, выстроенном архаическим сознанием в соответствии с общей моделью Вселенной, являющейся парадигмой для множества явлений культуры. И в предисловии к этому изданию, статьи которого посвящены различным типам украшений, прежде всего следует сказать несколько слов о семантике самого костюма, его крою и о символизме материалов, из которых он изготовлялся, что послужит фоном для сюжетов, рассматриваемых авторами в этом сборнике.

Наиболее наглядно семантика самого костюма и его оформления проявляется, конечно, в ритуальном облачении (в частности, сибирских шаманов). И хотя это оформление нельзя отнести к категории украшений, общие истоки того и другого явлений позволяют глубже понять генезис украшений, и их символические функции. Именно поэтому представляется весьма полезным предварить рассуждения об украшениях повседневного и праздничного костюмов хотя бы обобщенным и кратким анализом

шаманского облачения. Следует помнить, что известные нам шаманские костюмы XIX – начала XX в. представляют собой результат длительного развития как мировоззренческой, так и художественно-образной основ культуры, анализ чего не входит в задачу настоящего предисловия.

Полный шаманский костюм воплощал в себе сложный символический образ, содержащий всю совокупность представлений человека о Вселенной. Три его основных элемента: головной убор, кафтан с нагрудником и обувь – символизировали три сферы мироздания: верхний, средний и нижний миры, отражая одну из основных идей архаического сознания о тождестве микро- и макрокосма. В то же время в основе его идейно-композиционного и художественного решения лежал образ мифического зверя-птицы, представленный такими видами, как олень, лось и орел, лебедь, гагара, филин, занимающими основное место в космологической картине мира народов сибирского региона. Каждый из этих образов (зверь и птица) при наличии множества символических значений, часто переплетающихся и дублирующих друг друга, имел и свою собственную главную, ведущую семантику. Так, олень воплощал в себе образ Вселенной, птица символизировала связь между ее сферами, подтверждая тем самым ее целостность.

Эти идеи-образы были воплощены в крое шаманского костюма большинства народов Сибири, составляющего основу символики всей композиции ритуального облачения. Так, шаманский кафтан в большинстве сибирских культур изготовлялся из цельной шкуры оленя, головной убор – из шкуры, снятой с головы животного, а обувь – с его ног. Трехчастность и в то же время единство Вселенной выражалось и во внешнем оформлении костюма (металл, вышивка, раскраска), основным структурообразующим элементом которого было изображение скелета мифического зверя-птицы. Головной убор венчали изображения рогов оленя, реже – фигурок птиц, кафтан заполняли изображения грудной клетки, лопаток, позвоночника, рукава – костей и суставов передних конечностей или крыльев, а обувь – костей и суставов нижних конечностей. Остальное пространство костюма было заполнено множеством других подвесок, придающих основной идее всю полноту и разнообразие образа Вселенной. Оно включало в себя изображения Солнца, Луны и Земли, Центра Мира и дорог в его различные сферы, духов всех миров и духов-помощников шамана и т.д. Таким образом, как мы видим из перечисленных образов-символов шаманского ритуального облачения, в нем был воплощен весь Космос, в котором мир людей занимал ничтожно малое место, он как бы подразумевался внутри всего мироздания, но не был отражен в конкретном образном воплощении. Его присутствие актуализировалось лишь в технологических традициях, в участии человека в создании костюма и его оформлении, в его сопричастности к великому акту творения.

Все эти идеи наполняли смысловое содержание и обыденного костюма, но в нем образ мироздания был выражен в более обобщенном виде, он как бы поглощался символизмом мира людей, который здесь выступал на первый план.

Космологические и космогонические представления сохранялись, как и в ритуальном облачении, в самом материале костюма, включая и матери-

ал украшений. Шкура оленя являлась исходным материалом для одежды у большинства народов региона. Однако для народов Сибири олень представлял собой не только основное промысловое животное, он был одним из главных мифологических персонажей. Образ Оленя-Вселенной, Оленя-Солнца, оленя – помощника шамана, оленя-предка и т.д. Все они в той или иной мере были характерны для мировоззренческих традиций народов Северной Азии. Поэтому шкура животного представляла собой не только и, возможно, не столько материальную ценность, сколько некую метафизическую субстанцию, наделенную высшей сакральной ценностью.

Детали костюма и ювелирные украшения, выполненные из кости и металлов, тоже несли в себе весь спектр включенных в них мифологическим сознанием символических значений. В костяных изделиях была актуализирована одна из наиболее архаических идей, связанная с представлениями о скелете животного (как впрочем, и человека) как основе жизненной силы, о постоянном умирании и возрождении природы, получившая отражение и в мифе и культе умирающего и воскресающего зверя. В костюме эти амулеты, подвески, накладные пластины выполняли функцию приобщения человека к созидательной энергии Вселенной, усиливали его собственный жизненный потенциал, подчеркивали сакральную связь социума с окружающим природным миром.

Украшения, выполненные из различных металлов, несли в себе символическое значение, которым были наделены золото, серебро, медь и железо в мифологии, обозначая все основные категории мироздания. Золото и серебро олицетворяли верхнюю небесную сферу, но если золото выступало символом Солнца, стихии света, небесного огня, верховного божества и всего спектра созидющего мужского начала, то серебро семантически было связано с Луной, ночным небом, порождающим женским началом. Важнейшей семиотической функцией меди являлась ее символическая связь с землей. Медь и медные атрибуты были устойчивым маркером всех теллурических божеств, духов – хозяев земли и духов-предков, что включало и такие смыслы, как плодородие, женское начало, водная стихия и т.д. Железо выступало как символ нижнего, подземного мира, который по своей сути был противоположен верхнему, небесному. Однако в существовании всех трех космических миров не было антагонизма. Они являлись лишь частью Вселенной, в которой все взаимосвязано друг с другом, все причастно целому, все выводимо из целого и подтверждается через соотнесенность с ним. Поэтому символика железа была пронизана и положительными смыслами, оно выступало маркером небесного божества грома, железные стрелы которого олицетворяют молнию и, следовательно, небесный огонь, очищающий и оберегающий. И эта двойственность символика железа привела к тому, что все изготовленные из него предметы воспринимались в большинстве сибирских культур как наиболее сильные обереги. В то же время медь часто выступала символом верхнего мира, воплощая созидательное начало Вселенной. Не последнюю роль в этом играли два обстоятельства. Медь была первым металлом, освоенным человеком, и на этой стадии она, видимо, вобрала в себя весь комплекс положительных смыслов символической картины мира. Кроме того, ее желтый «солнечный» цвет должен

был оказать сильное воздействие на становление художественно-образного восприятия и эстетических принципов. Весь этот необычайно широкий круг символических значений, связанный с основными космогоническими и космологическими представлениями, создающими единый мифопоэтический образ мироздания, металл вносил в костюм и украшения человека, снова и снова подтверждая идею тождества микро- и макрокосма, воплощая ее в реальную, осязаемую форму.

Символизм металлов неразрывно связан с семантикой огня, который в большинстве сибирских культур выступал олицетворением верхней, небесной сферы, солнца, священного небесного огня, жизненного начала, верховного демиурга, божественной матери-прародительницы. И именно огонь обуславливал ведущие символические функции всех изделий из металла, включая украшения и декор костюма, а именно охранительную и очистительную.

Металлы включают в себе и весь комплекс символических значений технологической традиции (также связанной с огнем): выплавки металла, литья,ковки. Здесь на первый план выступает идея упорядочения Космоса, выделения его из первозданного природного хаоса. Но через рукотворность технологической традиции металл (как впрочем, и другие созданные человеком материалы) актуализировал в пространстве костюма и собственно мир людей, выражая его сопричастность сакральной сущности мира.

Космологические и космогонические идеи получают отражение и в крое одежды, в котором у многих народов Сибири достаточно четко выражено стремление сохранить цельность исходного материала, т.е. шкуры оленя, являющейся здесь самым распространенным материалом. Наиболее ярко этот принцип проявляется в костюме эвенков и эвенов, отражая самый архаичный тип одежды. Подчеркнем, что наиболее полно весь комплекс представлений о мифическом олене вплоть до начала XX в. сохранялся именно в культуре тунгусских народов. В знаменитом «тунгусском фраке», как называли его в XVIII в., шкура оленя оставалась практически нетронутой. Она разрезалась по брюху животного, от нее отделялись куски с головы и ног животного, которые шли на изготовление головного убора и обуви, сам же кафтан только слегка подкраивался по плечам и пройме рукавов. Таким образом, шкура со спины оленя образовывала спинку кафтана, а шкура с боков и брюха – его полки. При этом даже проймы рукавов по своему положению совпадали с предплечьем животного.

Реминисценции этого кроя встречаются в костюмах многих народов. Так, спинка зимней мужской парки хантов выкраивалась вместе с капюшоном, на который шла большая часть шкуры с головы оленя (МАЭ, колл. 2709–1). Более того, на капюшоне оставались уши животного, а также отверстия от рогов и глаз, которые зашивались. Отметим, что тот же самый прием кроя прослеживается и на ритуальных камлейках эскимосов, сшитых из кишок моржа (МАЭ, колл. 4211–5). Здесь капюшон и часть спины сшиты из вертикально расположенных полос, образующих единый монолитный блок в общем крое одежды. Все это говорит о том, что архаический (цельнокройный) тип одежды был некогда широко распространен в Северной Азии, отражая вполне определенные мировоззренческие идеи.

В семантическом плане этот крой выражает отношение к шкуре животного (под которым подразумевается не реальный, а мифический Олень-Вселенная) как к некоей сакральной ценности, имеющей важное значение для жизни общества. Здесь ярко проявляется характерная для архаического мировоззрения идея сохранения целостности Вселенной в ее совершенной форме, созданной в Начале Времен. Костюм, в котором шкура оленя оставалась практически нетронутой, что служило гарантией нерушимости мира, воплощал неразрывную связь человека с нематериальным вечным бытием. Надевая такой костюм, человек как бы полностью совмещался с телом мифического животного, что и выражало его постоянную сопричастность миру трансцендентному, миру божеств и предков.

Но и сложный крой, состоящий из многих деталей, нес в своей идеологии важнейший сакральный смысл, в котором актуализировались представления космогонического уровня и сопричастность человека к великому акту первотворения. Изготовление костюма, всегда повторяющегося в символическом плане Космос, приравнивалось к воспроизведению священного акта сотворения мира в Начале Времен и к необходимости его обновления, реализуемого во многих ритуалах. В создании костюма технологические операции представляли в понятиях основной мировоззренческой модели, где выкраивание деталей воплощало в себе сотворение космического порядка из нерасчлененного хаоса, а их сшивание символизировало восстановление космической целостности, выражая все ту же идею тождества двух уровней Вселенной – микро- и макрокосма. Эта семантика технологических операций изготовления одежды получила отражение в языках и мифологии, например, тюркских народов Южной Сибири, где в мифе о сотворении земли верховным божеством Ульгеном синонимом глагола «созидать» является глагол «кроить/выкраивать». Текст гласит: «Великое место с солнцем и луною, месяц и солнце мое создал, / Отец мой Ульгень выкроил». Отметим, что именно для этих культур был характерен крой из отдельно вырезанных деталей, как для ритуального шаманского костюма, так и для некоторых типов повседневной одежды.

То же идейное содержание естественным образом присутствовало и в костюме, сшитом из ткани, которая особенно широко использовалась в одежде народов южных районов Сибири. Следует только добавить, что само полотно в силу семантики технологической традиции ткачества, которая на символическом уровне воспроизводила все тот же священный акт первотворения, воспринималось как космическая «ткань» Вселенной.

Тем не менее уже в крое одежды, не говоря о ее внешнем оформлении и украшениях, все ярче и ярче проявляется идея освоенного человеком пространства, весь его сложный мир, который впитал в себя всю Вселенную. Прежде всего, крой одежды, как каждое явление культуры, выражал и ее этническую специфику. Особенности того или иного кроя были одним из основных показателей принадлежности человека к определенному этносу, субэтносу или даже к небольшой локальной группе, т.е. воплощали основную идею национального самосознания «мы – они». Но крой также был наполнен и информацией о самой существенной категории человеческого общества – о его половозрастной структуре. Мужской, женский, девичий и

детский костюмы не просто моделировали социум, они воплощали его качество и движение во времени. Количество представителей каждой возрастной категории, а точнее количество необходимой для них одежды (частота ее изготовления, а, следовательно, и частота повторения сакрального акта творения, приобщения к трансцендентному миру божеств и предков) определяло степень включенности семьи, рода, общины в живую ткань универсума.

Таким образом, крой одежды, сохраняя широкий спектр космологических и космогонических смыслов, актуализировал прежде всего мир людей, он как бы гуманизировал и социализировал Вселенную. Эта направленность в семантике кроя с все возрастающей активностью наполняла декор костюма и ювелирные украшения (их форму, орнаментацию и топографию в костюме) идеей-образом освоенного человеком пространства. Это осуществлялось привнесением в костюм орнамента, который выступал в архаическом сознании важнейшей мерой организации пространства и времени. Его рапорты, построенные на сочетании графических знаков-символов космологического содержания, в своем постоянном повторении воплощали цикличность времени, определяя тем самым основной принцип существования Вселенной. Но как вторичная моделирующая система орнамент проецировал все свойства мироздания на мир людей, выполняя функцию и его знака, и его границы, и его ритма жизни. Это смысловое содержание орнамента определило необычайную устойчивость его в народном искусстве, где он заполняет все жизненное пространство человека – одежду, украшения, жилище, утварь, оружие и т.д.

Подчиняясь общему смысловому содержанию костюма, орнамент, как правило, располагался по горловине и полкам, по подолу и внизу рукавов, вдоль разрезов, как бы замыкая его и сужая идею космичности до образа освоенного человеком пространства. В этом случае орнамент вычленил мир людей в окружающем пространстве Вселенной. Ту же функцию несли в себе отделка костюма другим цветом, другим материалом и, конечно украшения, которые композиционно всегда подчинялись общей идее костюма. Серьги, кольца, браслеты, заполняя открытые участки тела человека, как бы включали их в единое упорядоченное пространство микрокосма, надевая его множеством смыслов, организующих жизнь социума.

Более того, декор костюма и украшения конструировали все пространство костюма в соответствии с моделью Вселенной. Своим расположением, например, по линии талии они фиксировали сакральный центр и разделяли костюм на две части – верхнюю и нижнюю, в соответствии с космическими сферами. Эту же роль играл в костюме и пояс, как правило, богато насыщенный орнаментальными мотивами или другим декором. Заполняя часто пространство спинки костюма, орнамент или украшения обозначали самую опасную зону микрокосма, соотносимую с космическим севером/западом, в то же время защищая ее насыщенностью положительной символики. Наглядным примером здесь могут служить халаты из рыбьей кожи народов Амура, спинка которых всегда декорировалась или изображением Мирового Дерева с сидящими на его ветвях птицами, или фигурой парящего в облаках дракона, олицетворяющего небесную сферу Вселенной. Орна-

ментально выделялась в костюме и передняя часть, символизирующая самую значимую в жизни человека солнечную, южную/восточную сторону мироздания, населенную добрыми, дарующими жизнь божествами.

Форма декора и украшений, их количество, характер и топография в пространстве костюма и тела человека содержали важнейшую для жизни общества информацию о его половозрастной, социальной и экономической стратификации, освящая и наполняя ее сакральным содержанием, вытекающим из причастности социума к вечным законам бытия. Это приводило к тому, что декор костюма и особенно украшения всегда отражали жизненные процессы, протекавшие как на уровне данного коллектива людей и этноса в целом, так и на уровне личности. Украшения детской одежды и самого ребенка появлялись в строго определенных периоды его жизни, отмечая этапы его вхождения в мир людей. Первые месяцы жизни ребенок не имел одежды, его заворачивали в мягкие шкурки животных. Детская одежда до трех лет практически не была орнаментирована, в ней отсутствовали различия по полу, а из украшений можно встретить на ней лишь одну-две небольших низок бус. На ребенке не было ни сережек, ни колец, считалось, что он еще не принадлежит полностью миру людей. Этот период жизни человека воспринимался как некое пограничное состояние между социумом и трансцендентным миром предков, миром, где обитают души людей.

Социализация ребенка осуществлялась постепенно и заканчивалась в юношеском возрасте, и на всем этом пути усложнялся его костюм и комплекс украшений, приобретая завершенность в период расцвета физической и духовной жизни человека. Особенно ярко это проявляется в женском костюме и женских же ювелирных украшениях. У многих народов (например, тюрков Сибири и бурят) особые украшения девушка надевала в период половой зрелости, что отмечало ее готовность к замужеству и переходу в иную социальную страту. Этот переход фиксировался в свадебных обрядах, когда невеста меняла девичью прическу на женскую и впервые была в женском костюме, дополненном новыми украшениями. Однако полный набор украшений женщина обретала только после рождения первого ребенка, а иногда и после рождения нескольких детей, что подтверждало статус матери, определяющий ее основное предназначение в социуме. По завершению репродуктивного возраста снова менялся весь характер костюма: исчезала богатая орнаментация, изменялась цветовая гамма, а иногда и крой, но главное – снималась и передавалась по наследству дочерям основная часть украшений.

Но на жизненном пути человека украшения не только отмечали определенные этапы и фиксировали его статус, они выполняли множество других функций, среди которых важнейшей была функция охранительная. Она была обусловлена как семантикой самого материала, его цветовой гаммой, так и символическим значением орнамента, включенного в украшения, их формой, а также тем смыслом, которым были наделены все творения, созданные руками человека и олицетворяющие мир людей. Именно в этой функции кроется природа праздничных украшений, которые во всех культурах отличаются от повседневных своим обилием, яркостью, насыщенностью орнамента и т.п. Семантика праздников в

архаических или традиционных культурах, всегда связанных с календарным или жизненным циклами (будь то Новый год, сбор урожая, день летнего солнцестояния, рождение ребенка, инициация или свадьба), соотносилась с идеей разрушения и восстановления космического равновесия, порядка, стабильности.

Весь комплекс праздничных обрядов всегда в той или иной степени символически воспроизводит гибель и возрождение мира, социума, человека. Именно в это время исчезали границы между мирами Вселенной, оставалось Время, жизнь сливалась со смертью, а живые вступали в контакт с умершими. Это был наиболее опасный момент в жизни людей, и хотя он всегда завершался торжеством Космоса, он настоятельно требовал максимальной защиты человека от разрушающих сил хаоса. Эта защита включала различный набор обрядовых действий, но прежде всего ее стремились приблизить к себе, и не просто приблизить, но и многократно усилить одеждой с насыщенным орнаментом и богатыми украшениями, т.е. теми символическими знаками, которые заключают в себе все положительные начала Вселенной. Поэтому характер праздничного костюма и украшений определялся отнюдь не эстетическими, а весьма прагматическими устремлениями, но именно они и формировали представления о красоте, закладывали основы эстетики народной культуры.

Охранительная функция украшений отчетливо проявляется и в диаметрально противоположной ситуации, когда требуется не отгородить потусторонний мир, а наоборот, создать контакт с ним, открыть путь между мирами. Такая необходимость возникает, в частности, в момент трудных родов, когда ребенок, чья душа в чреве матери еще тесно связана с иным миром, не может войти в социум. Среди различных ритуальных действий, направленных на благополучный исход, одним из самых действенных, по воззрению сибирских народов, является освобождение роженицы от всех украшений, особенно выполненных из металла. Ибо именно они, вобравшие в себя всю силу материала, огня, орнамента и созидательной энергии ремесленной традиции, создают самую прочную границу между миром людей и миром духов.

С развитием социальной стратификации общества постепенно усложняются костюм и украшения, более того, они начинают отражать не только социальное, но и экономическое положение человека и состояние его семьи. Эта функция костюма и украшений приобретает все большее и большее значение. Однако неправильно было бы считать, что символическое содержание костюма и особенно украшений полностью утратили свое значение в современной технологической цивилизации. Они прочно удерживаются, например, в церковной сфере культуры, в среде некоторых корпоративных объединений и, конечно, в тайных обществах. Но и среди широких слоев населения необычайно устойчиво держится вера, например, в чудотворную силу драгоценных и полудрагоценных камней, все большее значение приобретает цветовая символика костюма. И вполне традиционно особая потребность в этом проявляется у современного человека во время праздников, особенно Нового года. Распространение по всему миру интереса к восточному календарю, с его ярко выраженной символикой жи-

вотных образов, повлекло за собой повышенное внимание к семантике самых различных элементов культуры, в частности костюма и украшений. Какой цвет должен присутствовать в костюме, из какого металла и с какими камнями следует надеть украшения – вопросы, которые волнуют большинство женщин.

Сохранение особого отношения к костюму и украшениям обусловлено вложенными в них на протяжении тысячелетий сакральными смыслами, которые рождались в процессе осмысления человеком самого себя и окружающего его мира, определения своего места в этом мире и ощущения сопричастности всеобщим законам Вселенной.

Важное значение декора костюма и украшений в жизни традиционного общества и явилось одной из основных причин публикации материалов по культурам коренного населения Сибири в настоящем сборнике. Следует отметить, что это первое обращение к изучению данной темы, и, естественно, оно не претендует на освещение всех проблем, связанных с функциями украшений и декора в традиционных культурах сибирского региона. Будет правильным сказать, что это лишь первое приближение к постановке проблемы, требующей сбора и обобщения имеющегося материала. В статьях данного сборника он представлен, главным образом, коллекциями Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН, дополненными различными публикациями по данной теме.

Л. Павлинская